

РОССИЯ - СИЕ НЕ МИФ!

ОТЕЦ КИПРИАН ПРОШЕЛ ВСЕ «ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ»

- Вот видишь - охранительный крест Батяни, фронтового священника, - показывал мне два года назад свою офицерскую книжку старлей Серега из разведбата 46-й бригады внутренних войск в Грозном. - Собственноручно отец Киприан поставил и благословил. Уж в каких «запеканках» я был, а пронесло с Божьей помощью...

до первозданной чистоты. Самое интересное, что мы с отцом Киприаном одних лет, но оказалось, хоть обоим за пятьдесят, он моложе меня. Потому как жил уже второй раз на этом свете.

Созвонились. Приехал к нему в гости в маленькую квартирку в Москве, которую он называет кельей. Здесь все просто: деревянная скамья, в углу - киот и... гроб из толстых досок вместо постели. Отец Киприан показывает свою «эксклюзивную идею» фронтового священника - окопную церковь. Сам модифицировал «разгрузку» - армейский жилет. В нем и малый водосвятный крест, и флакон со святой водой из Иордана, кадило, кропило, крестики и иконы. Да еще в коробочке фирменная печать, о которой рассказывал Серега.

Две иконы прошли всю Чечню - и первую, и вторую войны. Одна была сотворена специально для него иконописцем Осетром из Суздаля - икона ангела-хранителя. А вторую в январе 1995-го спасла из огня софринская бригада. Так и называли ее - Софринская Божья Матерь. Разведчик по имени Борода вручил ее Батяне. Погиб тот разведчик через год, к великому сожалению. Война!..

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ, МИРСКАЯ

О ней отец Киприан говорит коротко и просто: «Тот человек умер, нет его». При монашеском

моего рождения не дожил - расстреляли. Мать умерла при родах. Слава Богу, добрые люди сохранили нас, дали свои фамилии, подделали документы - и перевели из ранга детей врагов народа в разряд брошенных. Люди катакомбной церкви перевезли из дома младенца на Дальнем Востоке в астраханский детский дом. Так я выжил».

Затем и вовсе в трех словах: офицер-десантник, Афган, инвалид. Все. Поощрением за служение Отечеству стала эта келья. Истовый патриот, он после подписания Беловежских соглашений пошел в монахи.

ОКОПНЫЙ БАТЯ

- Приехал в Грозный, когда началась первая чеченская война, - рассказывает отец Киприан. - Думал, буду сто первым, кто несет слово Божие воинам нашим. А там - никого. Фактически я стал первым настоящим фронтовым священником после 1917 года. Никогда не надевал ни каски, ни бронежилета, не брал в руки оружия. Просто словом Божиим вселял в мальчишек надежду. Да, в первую войну и слова Божии не так нужны. Важнее было научить бойцов-полупризывников оставаться в живых. Самое страшное то, что 75 процентов из общего числа погибших (а их десятки тысяч) умирало не в бою. По халатности и разгильдяйству, играя с оружием и боеприпасами... Тогда афганцев-контрактников брали неохотно. И офицеров загоняли в Чечню отнюдь не лучших...

Естественно, этот бесстрашный человек, которого сегодня знают по всей России прошедшие Чечню солдаты, стал легендой. Он понял тогда, насколько он нужен этим детям в солдатской форме в пекле войны. Нужен, как надежда, как просто отец, лежащий рядом в окопе. Так стали называть его Батей, Пересветом. За две жизни имеет 17 боевых наград. Он единственный, кто награжден Крестом священника на георгиевской ленте. Отец Киприан вспоминает ту войну сердцем, все заново проживает. О своем непосильном труде рассказывает без всякой бравады.

- Практически все солдаты принимали меня. Среди тысячи лишь два-три не хотели открывать свое сердце, чуждались. Но Господь с ними. Для кого-то я был православным батюшкой, для кого - боевым товарищем, а для кого - весточкой с дома, где их любят и ждут. Не батюшка, а Батя. Который заслонит их собой и скажет смерти: «Отойди. Я не дам их. Ты сегодня здесь ничего не получишь». И Господь дает такую силу и сам все дела-

ет. На войне Господь ближе, он среди нас. Там, на войне, такое происходит, что все, что сказано в Евангелии, все повторяется. Что такое война? Там каждый на ладони. Если ты трус, ты никогда не сыграешь в героя. Если ты мерзавец, не станешь добреньким. Там все оголено. И я тоже - на глазах у всех. Не в «зеленке», а как священник. Это очень сложно. Ведь я боюсь, как и все, я сделан из такого же мяса. Можно годами зарабатывать авторитет - и лишиться его из-за одного неверного поступка. Были ли таковые? Да. Главная оплошность моя - старость. Много ран во мне, еще с той жизни. И с первой Чечни тоже. А я лез туда, где очень трудно. И стать там обузой я не имел права. Приходилось быть героем. Солдаты сделали из меня легенду. Я просыпаюсь простым человеком, и вдруг оказывается: есть такой легендарный Киприан, которому говорят: «Доброе утро, Батя». Или говорят: «О, Батя прилетел!» - и не боятся больше ничего. И я должен срочно догнать того Киприана, чтобы оправдать их мужество, чтобы быть с солдатами моими.

Сон - три часа в сутки, по пятнадцать минут вразнобой. Потому что ночь - время исповеданий. От рядового до генерала приходят к тебе: исповедуй, Батя! Война, смерть, постоянно присутствует опасность. Откуда силы у уставшего человека? Силу дает Господь...

На первой Чечне у отца Киприана был свой собственный позывной - «Боек-15». Чтобы

нет! И вновь он на передке во весь свой могучий рост с крестами вместо погон.

СПАСИ И СОХРАНИ!

О последнем ранении Киприан рассказывает неохотно. Был на передовой. Где, в каком полку - не говорит: «Не желаю комплака подставлять. Он-то ни в чем не виноват, вообще на войне никто ни в чем не виноват, война без потерь не бывает». Еще боя не было - вдруг на нашу позицию огонек пошел, ПТУРС. Киприан тут же ребятам: «В укрытие!» А они стоят, не понимают. Он давай их буквально сбрасывать в окоп, кто-то сам попрыгал. Всех закинул, сам уже на прыжок пошел, и в этот момент... Говорят, в БМП его как влетало. «Нет, не ранение, контузия только. Шесть ребер сломанных, ноги немножко, зубы вышибло».

Спас ребят. «Да в первый раз, что ли? Я для этого там и нахожусь. Первое - это талисман: ребята видят, что Батя рядом - значит, все в порядке. Спокойно едут на задания, в колонне. Посмотрели на меня - успокоились, не отвлекаясь, выполняют свою воинскую задачу. Я с ними на задание хожу. Начали колонну обстреливать - потери «ноль» всегда. Рядом со мной нет потерь, даже «трехсотых». Но это разве ж я делаю? Это Господь, по вере дает Господь. Господь творит чудеса небесные через нас. Вот ребята веруют - и уже Господь посреди них, эта вера их и спасает. Я тогда не должен был выжить. Это ре-

знали: он здесь, рядом. Всюду были знакомые - солдаты, офицеры, генералы, целые части. «Ведь что такое Чечня? Это же вся Россия здесь. Вся армия у меня - однополчане. Там, в Чечне, лучшие из лучших. Те, кто не стал увиливать от армии, кто нашел в себе смелость от сытого стола уйти на войну». И никогда отец Киприан не бросает мертвых. Еще в первой Чечне в одиночку, в немислимых условиях отпевал павших - всего отпел тысячи наших солдат и офицеров! Своими руками похоронил их множество. Вывозил прах многих подальше из Чечни, чтобы враг не осквернил могилы. Места многих погребений не раскрывает до сих пор, храня точные топографические привязки, - такова защита от бизнеса на костях.

И здесь, в Москве, в своей келье Киприан ежеминутно вспоминает их, солдатшек павших: «Здесь, в келье, обитают души тех, кто ушел в вечность. Тех, кого уже забывают, но никогда не забуду я. Моя служба очень длинная, длиннее многих служб, потому что я читаю несколько тысяч имен, вспоминая о каждом. По несколько часов, два раза в день. Это же все мои солдаты, мои друзья».

В первую чеченскую был четыре раза в плену. У Хаттаба побывал. Шесть раз его выводили на расстрел. Ранен, контужен... Неоднократно проходила информация, что Батя погиб. Ан

бятя смотрели на меня, переживали, они поделились со мной своей жизненной силой, и поэтому я сейчас жив - из-за большой ответственности перед ними»...

Много говорили о войне. Устали. Потому как она, по словам отца Киприана, не нужна ни россиянам, ни чеченцам. У народов одна судьба. Бойня нужна лишь предателям, работорговцам и казнокрадам. А их хватает и в Москве, и в Грозном. Говорили и о православной церкви, о том, что государству не надо ее поддерживать. Ей нужно не мешать объединиться. Ведь церковь принадлежит не попам, а верующим. А среди них есть и владыки, и прихожане. О том, что собрать Поместный собор сил нет и духа не хватает...

На следующий день отец Киприан уезжал в Калужскую область, где построена часовенка. Ребята из бригады морской пехоты прислали флаг с кормы боевого корабля. На куполе часовни он растянута. Здесь отец Киприан молится за всех павших и живых воинов России. Многие бывшие солдаты и матросы приезжают к нему за советом, за благословением. Другие хотят, как он, совершить постриг.

- Отговариваю, - говорит отец Киприан. - Молодые ведь вы! Детей рожают. Россия поднимется! Россия - сие не миф. Просто несет испытание...

Владимир ЧЕБАКОВ

сам я человек, в Бога не верующий. Уж так воспитали при советской власти. А прикидываться, что вдруг поверил после 91-го, не могу. Но поговорив с Батяней, действительно ощутил прикосновение к чему-то чистому, очень откровенному. Человек он без позерства и прикрас. Такими людей, по-моему, делает очень трудная жизнь. Жизнь на грани. Она или портит человека напрочь, или скоблит его

постриге, который он принял в 1991 году в Суздале, получил другое имя - Киприан. В 94-м рукоположен во священники. Енисейское казачье войско на своем кругу избрало его войсковым священником. В 1995-м стал игуменом.

Из длинной задушевной беседы с ним я все-таки выведал, что он, ребенок ГУЛАГа, родился в Хабаровске. «Мы были практически смертниками. Отец до